ПАМЯТИ

АДМИРАЛА

ГЕННАДІЯ ИВАНОВИЧА

НЕВЕЛЬСКОГО.

Типографія Строевого Отдѣла Владивостокской Портовой конторы.

г. Владивостокъ.

2007079500

ПАМЯТИ АДМИРАЛА
Геннадія Ивановича
НЕВЕЛЬСКОГО.

Геннадій Ивановичъ Невельской, потомственный дворянинъ Костромской губерніи, родился въ усадьбѣ Дракинѣ 25-го Ноября 1813 года и дѣтскіе годы свои провелъ тамъ же, въ имѣніи своихъ родителей. Шестнадцатилѣтнимъ юношей Невельской былъ отданъ въ Морской корпусъ и блистательно окончивъ его въ 1829 году, а затѣмъ прослушавъ и курсъ морскихъ наукъ въ офицерскихъ классахъ (нынѣ Николаевской Морской Академіи), Геннадій Ивановичъ въ 1833 году поступилъ на службу мичманомъ въ 27-й флотскій экипажъ.

Еще на школьной скамьѣ юный Невельской очень интересовался вопросомъ о рѣкѣ Амурѣ, о ея значеніи для Охотскаго края и Камчатки, о необходимости изслѣдовать ея устье и входъ въ нее съ моря.

Онъ никакъ не могъ допустить, чтобы такая громадная рѣка, какъ Амуръ, могла теряться въ пескахъ, не быть судоходною и чтобы устье ея было доступно только для шлюпокъ, какъ это утверждали такіе авторитеты, какъ Лаперузъ, Броутонъ и Крузенштернъ. Невельской смѣло выступилъ противъ этихъ авторитетовъ и утверждалъ, что этого быть не можетъ, что устье Амура, этой многоводнѣйшей рѣки необходимо должно быть доступно для морскихъ судовъ.

Лелѣя свою завѣтную и любимую мечту объ изслѣдованіи Амура и восточнаго побережья Сибири, Невельской сталъ тщательно изучать вопросъ о плаваніи къ устью Амура, и въ концѣ концовъ мысль о необходимости изслѣдовать это устье въ немъ окончательно созрѣла, вылилась въ непреклонное стремленіе и не давала ему покоя.

Благодаря блестящему окончанію курса морскихъ наукъ и ежегоднымъ затѣмъ плаваніямъ на разныхъ корабляхъ совмѣстно съ юнымъ Генералъ-Адмираломъ, Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, — предъ Невельскимъ открывалась блестящая карьера, но онъ самъ отвернулся отъ нея и, какъ милости, просилъ назначенія на транспортъ „Байкалъ“, который строился тогда въ Гельсингфорсѣ и предназначался для доставки грузовъ изъ Кронштадта въ Петропавловскъ.

Такія посылки транспортовъ бывали въ то время довольно часты, но командованіе этими транспортами считалось далеко не такимъ почетнымъ, чтобы стоило на него напрашиваться.

Геннадій Ивановичъ самъ просилъ, хлопоталъ и

б-од

КНИГА ИМЕЕТ: обл. нет

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	194_ г.
2						D25-30		

добился: его назначили командиромъ „Байкала“, и Невельской приложилъ все стараніе, чтобы выйти въ море какъ можно скорѣе.

Было пущено въ ходъ все вліяніе людей высокопоставленныхъ, близкихъ Невельскому, чтобы транспортъ вооружался самымъ спѣшнымъ образомъ и чтобы всѣ грузы, которые надо было принять на него, были упакованы и погружены именно такъ, какъ того требовалъ Невельской.

Всѣ эти хлопоты привели къ тому, что „Байкалъ“ былъ дѣйствительно приготовленъ къ сроку, и 21 Августа 1848 года Невельской вышелъ на немъ на морской просторъ.

Переходомъ къ мѣсту назначенія, т. е. въ Петропавловскъ, Невельской спѣшилъ, какъ только можно было спѣшить, заходя лишь въ немногіе порта и не тратя тамъ на стоянки ни одного лишняго часа.

Его манила, его влекла мысль какъ можно скорѣе прибыть въ Петропавловскъ, сдать тамъ грузъ и, исполнивъ порученіе, броситься на тяжелую работу для осуществленія своей мечты—идти на изслѣдованіе невѣдомаго, загадочнаго Амурскаго лимана.

Да, все было на лицо для выполненія этой серьезной работы: небольшой поворотливый транспортъ, лихой командиръ, прекрасные офицеры и команда . . . . . —не было одного—разрѣшенія приступить къ этой работѣ.

Въ то время вопросъ объ Амурѣ стоялъ въ такомъ фазисѣ, что получить разрѣшеніе на изслѣдованіе его устья было очень трудно, почти невоз-

можно, и нужна была вся настойчивость тогдашняго генералъ губернатора Восточной Сибири, генерала Николая Николаевича Муравьева (впослѣдствіи графа Муравьева Амурскаго), нуженъ былъ весь его патріотическій пылъ, и несокрушимая вѣра въ правильность воззрѣній Невельского, чтобы обѣщать ему добиться этого разрѣшенія.

Н. Н. Муравьевъ обѣщалъ доставить это разрѣшеніе съ курьеромъ въ Петропавловскъ, но вотъ „Байкалъ" въ Петропавловскѣ, грузъ сданъ, транспортъ готовъ идти, а разрѣшенія нѣтъ. Есть только секретное письмо отъ Муравьева, въ которомъ онъ благодаритъ Невельского за принятыя мѣры къ быстрой доставкѣ грузовъ въ Петропавловскъ, за рѣшительность и самоотверженное стремленіе къ достиженію важной и полезной цѣли, и сообщаетъ инструкцію, которая пока еще не утверждена, но о Высочайшемъ утвержденіи которой онъ ходатайствуетъ.

Инструкція была составлена именно такъ, какъ желалъ Невельской: ему предписывалось изслѣдовать берега Охотскаго моря, Сахалинъ и Амурскій лиманъ, при условіи держать всѣ свои дѣйствія въ тайнѣ.

И такъ, разрѣшенія начать работу, о которой такъ мечталъ Невельской не было. Инструкція еще не была утверждена.

Что дѣлать? Ждать? Но до какого же времени? Отказаться отъ своей мечты?—Невельской идетъ безъ разрѣшенія.

Собравъ офицеровъ въ свою каюту, Геннадій Ивановичъ объясняетъ имъ сущность Амурскаго вопроса и свои намѣренія.

„Будьте увѣрены, господа,—прибавляетъ онъ,— что я никогда не вовлекъ бы васъ въ предпріятіе, которое сопровождалось-бы для васъ какимъ-либо рискомъ. Я—вашъ начальникъ и, повинуясь мнѣ, вы исполняете только свою обязанность. Всю тяжелую отвѣтственность предъ престоломъ и отечествомъ я принимаю на себя“.

Убѣжденный всегда убѣждаетъ, воодушевленный—воодушевляетъ.

Офицеры выразили командиру полную готовность послужить общему дѣлу и дали слово держать все въ тайнѣ.

30-го Мая 1849 года транспортъ вышелъ изъ Петропавловска и взялъ курсъ къ восточному берегу Сахалина. Обойдя Сахалинъ съ сѣвера, транспортъ пошелъ къ югу вдоль его западнаго берега.

Послѣ ряда неудачъ, при неблагопріятной погодѣ, въ необслѣдованныхъ мѣстахъ, былъ наконецъ найденъ ходъ въ лиманъ Амура и „Байкалъ“ сталъ на якорь въ сѣверной его части. Отсюда и начали его изслѣдованіе съ цѣлью отыскать фарватеръ къ югу.

Встрѣчавшіеся неправильные и быстрыя теченія, мели, банки и постоянно противные вѣтры дѣлали эту работу на парусномъ суднѣ, не имѣвшемъ даже паровой шлюпки, крайне тяжелой и опасной, и нужна была желѣзная энергія Невельского, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ идти всетаки къ разъ намѣченной цѣли.

Сдѣлавъ предварительную рекогносцировку, Геннадій Ивановичъ оставилъ часть команды на тран-

спортѣ и отправился для дальнѣйшихъ изслѣдованій на трехъ шлюпкахъ съ 3 офицерами.

11-го Іюля они вошли въ дѣйствительное устье Амура, въ которое не проникалъ еще ни одинъ цивилизованный человѣкъ.

Затѣмъ, продолжая подвигаться на югъ и дѣлая по мѣрѣ возможности опись берега и промѣръ, Геннадій Ивановичъ со своими спутниками достигъ наконецъ того мѣста, гдѣ по мнѣнію знаменитыхъ мореплавателей, долженъ былъ находиться перешеекъ, соединяющій Сахалинъ съ материкомъ.

Это было 22 Іюля 1849 года, день памятный для экспедиціи. Здѣсь-то, между скалистымъ мысомъ материка и низменнымъ мысомъ Сахалина, вмѣсто перешейка оказался проливъ шириною около 7 верстъ и съ наименьшею глубиною въ 5 саженъ.

Всеобщее ура огласило воздухъ.

Такимъ образомъ было удостовѣрено, что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, что по открытому проливу могутъ ходить суда всѣхъ ранговъ, что лиманъ Амура доступенъ, слѣдовательно, и съ сѣвера, и съ юга.

Этотъ новооткрытый проливъ Геннадій Ивановичъ назвалъ проливомъ Татарскимъ.

Блестящій успѣхъ предпріятія воодушевилъ Невельского и возбудилъ жажду дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но въ данную минуту сдѣлать это было невозможно: онъ обязанъ былъ къ 15 Сентября быть въ Охотскѣ. На возвратномъ пути, т. е. на пути изъ лимана Амура въ Охотскъ, встрѣтили байдарку, шедшую изъ Аяна съ штурманскимъ офицеромъ

Орловымъ которому приказано было розыскать „Байкалъ“ и передать Невельскому, что въ Аянѣ его ожидаютъ важныя бумаги.

„Байкалъ“ направился вмѣсто Охотска въ Аянъ. Тутъ Невельского ожидала радость: Муравьевъ, крайне заинтересованный результатомъ изысканій Невельского не имѣлъ терпѣнія ждать отъ него извѣстія и самъ пріѣхалъ въ Аянъ.

Узнавъ о приближеніи „Байкала“, Николай Николаевичъ сѣлъ въ шлюпку и пошелъ ему навстрѣчу.

—Ну что, Невельской?—закричалъ онъ еще издали.

—Ура. Ваше Превосходительство. Сахалинъ—островъ, входъ въ лиманъ Амура возможенъ для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и съ юга, вѣковое заблужденіе разсѣяно.

Въ капитанской каютѣ собрались около Генералъ-Губернатора всѣ его спутники и съ любопытствомъ слушали сообщенія Невельского о его плаваніи и сдѣланныхъ имъ открытіяхъ.

Для людей, поживщихъ въ Сибири, значеніе Амура было настолько ясно, что смѣлый шагъ Невельского былъ привѣтствуемъ, какъ залогъ возрожденія всей восточной Сибири.

Въ Аянѣ же получилъ, наконецъ, Невельской такъ давно ожидаемую инструкцію, уже утвержденную Императоромъ.

Отправивъ съ курьеромъ донесеніе князю Меньшикову *). Невельской простился съ Муравьевымъ и отправился въ Охотскъ, гдѣ сдалъ транспортъ и направился сухимъ путемъ въ Петербургъ.

---

*) Начальнику Главнаго Морского Штаба.

Прибывъ въ Петербургъ 28 Января 1850 года, Невельской тотчасъ же явился къ Меньшикову съ картами и планами. Князь ласково принялъ его и сообщилъ, что Государь Императоръ простилъ ему его смѣлый поступокъ (что, недождавшись утвержденной инструкціи, онъ приступилъ къ изслѣдованіямъ устья Амура и его лимана), но что министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде и большинство членовъ Особаго комитета обвиняютъ его, Невельского, въ неслыханной дерзости, чуть ли не въ государственной измѣнѣ, и требуютъ Невельскому примѣрнаго наказанія.

Нужно было все вліяніе немногихъ другихъ членовъ комитета, Князя Меньшикова, братьевъ Перовскихъ и самого Муравьева, чтобы освободить Невельского отъ кары и добиться хотя чего-нибудь въ пользу дѣла.

Такимъ образомъ, поступокъ Невельского не имѣлъ на этотъ разъ для него печальныхъ послѣдствій, если не считать потери Владимірскаго креста и пожизненной пенсіи, которыя полагаются за открытія.

Почти годъ до этихъ событій послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ основаніи зимовья на юго-восточномъ берегу Охотскаго моря, чтобы Россійско-Американская Компанія могла производить тамъ расторжку съ гиляками.

Сообразно съ Высочайшею волею, Комитетъ изготовилъ предписаніе генералъ-губернатору, при чемъ строжайше было приказано ни подъ какимъ предлогомъ не касаться лимана р. Амура. Для уст-

ройства зимовья, по просьбѣ Муравьева былъ командированъ Невельской.

Окрыленный надеждами, Геннадій Ивановичъ отправился въ Иркутскъ, затѣмъ въ Якутскъ, Охотскъ и 27 Іюля 1850 года прибылъ въ заливъ Счастія, гдѣ его уже поджидалъ прапорщикъ Орловъ съ 25 казаками.

Тщательно осмотрѣвъ мѣстность, Невельской нашелъ, что песчаная коса на восточномъ берегу залива представляетъ единственное мѣсто, къ которому могутъ подходить суда съ моря. Здѣсь то 29-го Іюля и было основано зимовье, названное Петровскимъ.

То враждебное отношеніе къ дѣлу и къ самому Невельскому лично, которое высказалъ Комитетъ, не смотря на важныя открытія, сдѣланныя имъ, не только не смутило Невельского, но, напротивъ, убѣдило его въ необходимости дѣйствовать рѣшительно и безотлагательно.

Побывавъ зимою съ 1849-го на 1850-й годъ въ Петербургѣ, Невельской понялъ, что главное препятствіе въ достиженіи цѣли заключается не въ тѣхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, которыя надо было преодолѣвать въ безлюдномъ и суровомъ краѣ, а въ заблужденіяхъ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей которые съ непонятною настойчивостью парализовали всякое стремленіе разсѣять эти заблужденія.

Оставивъ Орлова съ большею частью команды въ Петровскомъ, Невельской самъ съ остальными людьми отправился на шлюпкѣ къ устью Амура и,

поднявшись верстъ на 100 отъ устья, достигъ мыса Тыръ.

О томъ, что здѣсь произошло, я передамъ словами самого Геннадія Ивановича.

„Подойдя къ мысу,—разсказывалъ онъ,—я увидѣлъ на берегу нѣсколько манджуровъ и толпу инородцевъ, всего человѣкъ 200. Они, повидимому, были озадачены появленіемъ нашей шлюпки. Выйдя на берегъ въ сопровожденіи переводчиковъ, я подошелъ къ старшему изъ манджуровъ, котораго гиляки называли „Джангинъ", т. е. богатый старикъ, купецъ. Этотъ манджуръ сидѣлъ съ важностью на обрубкѣ дерева и тѣмъ показывалъ свое начальническое вліяніе на окружающую его толпу. Онъ важно и дерзко спросилъ меня, зачѣмъ и по какому праву я пришелъ сюда. Въ свою очередь и я спросилъ манджура, зачѣмъ и по какому праву онъ здѣсь находится. На это манджуръ съ еще большею дерзостью отвѣчалъ, что никто кромѣ ихъ, манджуровъ, не имѣетъ права являться въ эти мѣста. Я возразилъ ему, что такъ какъ русскіе имѣютъ полное и единственное право быть здѣсь, то я требую, чтобы онъ со своими манджурами немедленно оставилъ эти мѣста. На это старикъ, указывая на окружающую его толпу, потребовалъ, чтобы я удалился, угрожая въ противномъ случаѣ удалить меня силою. Вмѣстѣ съ этимъ онъ далъ знакъ окружавшимъ его манджурамъ приступить къ исполненію его требованій. Въ отвѣтъ на эту угрозу, я выхватилъ изъ кармана пистолетъ и, направивъ его на манджура, объявилъ, что если кто-либо осмѣлится пошевелиться, то въ одно мгновеніе его не будетъ на свѣтѣ.

Вооруженные матросы, по моему знаку, немедленно явились ко мнѣ. Такой неожиданный образъ дѣйствій такъ ошеломилъ манджуровъ, что они тотчасъ же отступили, а инородцы, отдѣлившись отъ нихъ, стали смѣяться надъ ихъ трусостью и выказывать намъ сочувствіе. Джангинъ поблѣднѣлъ, соскочилъ со своего обрубка и, кланяясь мнѣ, увѣрялъ, что желаетъ быть со мною въ дружбѣ и проситъ къ себѣ въ палатку, въ гости. Я согласился и узналъ много интереснаго. Джангинъ признался, что имъ запрещено спускаться сюда по Амуру и что они бываютъ здѣсь самовольно. Онъ сообшилъ еще, что на всемъ пространствѣ по берегамъ Амура нѣтъ китайскаго поста и что всѣ инородцы Амура и Уссури до моря не подвластны китайцамъ и дани не платятъ. Инородцы сообщили, что ежегодно приходятъ въ Татарскій проливъ иностранныя суда, останавливаются у береговъ и безнаказанно безчинствуютъ".

Послѣднее обстоятельство дало окончательный толчекъ рѣшенію Геннадія Ивановича.

Уладивъ къ обоюдному удовольствію жалобы инородцевъ на манджуровъ, Невельской направился въ устье Амура и здѣсь, на мысѣ Куегда, помолившись Богу, при салютѣ изъ фальконета и залпѣ изъ ружей, поднялъ русскій военный флагъ и объявилъ весь Приамурскій край съ островомъ Сахалиномъ принадлежностью Россіи.

„Отнынѣ Великій Русскій Царь принимаетъ васъ подъ свое покровительство,—сказалъ онъ собравшимся инородцамъ,—и не позволитъ обижать васъ".

Инородцамъ и манджурамъ Невельской далъ бумагу въ формѣ декларацiи и велѣлъ предъявлять ее иностранцамъ, если бы они вздумали явиться и хозяйничать въ этихъ мѣстахъ.

При новомъ постѣ, названномъ Николаевскимъ, Невельской оставилъ команду въ 6 человѣкъ при фальконетѣ и шлюпкѣ, а самъ отправился на оленяхъ въ Петровское.

Великiй актъ присоединенiя совершился 1-го Августа 1850 года.

Прибывъ въ Петровское, Геннадiй Ивановичъ, сдѣлавъ необходимыя распоряженiя и оставивъ подробныя инструкцiи Лейтенанту Орлову, отправился въ Иркутскъ, а затѣмъ, по требованiю генералъ-губернатора, въ Петербургъ. Легко представить себѣ то негодованiе, которымъ дѣйствiя Невельского были встрѣчены въ Петербургѣ комиссiей по Амурскому вопросу, собранной въ томъ же составѣ, какъ и въ предыдущемъ году

Суть рѣшенiя комиссiи на этотъ разъ сводилась къ слѣдующему.

Постъ Николаевскiй уничтожить, а Капитана 1 ранга Невельского, за неслыханную дерзость и противленiе Высочайшей волѣ, разжаловать въ матросы.

Казалось, все было потеряно.

Въ такихъ обстоятельствахъ только высокiй умъ и нацiональная гордость Императора могли остановить кощунственную руку, которая готова была подняться на отечественный флагъ, и только его справедливость могла помиловать Невельского. Когда Государю доложили рѣшенiе комиссiи, то

Его Величество потребовалъ къ себѣ Невельского и тутъ произошла та памятная сцена, описаніе которой ни одинъ русскій не можетъ читать безъ волненія. Я передамъ эту сцену словами г-жи Вендъ.

„Императоръ Николаіі принялъ капитана въ своемъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ предъ раскинутой картой Сибири. Онъ окинулъ орлинымъ взглядомъ тщедушнаго моряка, котораго, впрочемъ, онъ зналъ и раньше. Глаза его не выражали гнѣва.

—Такъ то, Невельской, началъ Императоръ суровымъ голосомъ. Ты организуешь экспедиціи, измѣняешь по своему усмотрѣнію инструкціи, утвержденныя твоимъ Государемъ. Что ты на это скажешь?.

Взявъ со стола бумагу и, указывая на нее Невельскому, Императоръ продолжалъ.

--А это что? Какъ ты думаешь? . . . Ни болѣе ни менѣе, какъ разжалованіе тебя въ матросы.

Невельской молчалъ.

Императоръ сталъ медленно водить по картѣ пальцемъ по пути, пройденному „Байкаломъ".

--Матросъ, да. Но вотъ здѣсь ты уже мичманъ, тамъ Лейтенантъ, тутъ—капитанъ 1 ранга, здѣся контръ-ад . . . . . (палецъ Государя стоялъ на Николаевскѣ). Нѣтъ, подождемъ еще; надо наказать тебя за непослушаніе.

И, вставъ съ мѣста, Государь разорвалъ актъ о разжалованіи, подошелъ къ столу, взялъ заранѣе приготовленный крестъ св. Владиміра 4 ст., поцѣловалъ Невельского и вдѣлъ ему крестъ въ петлицу.

—Спасибо, Невельской, за твой патріотическій

поступокъ, но впредь будь осторожнѣе; старайся не превышать данныхъ тебѣ полномочій."

Невельской былъ спасенъ, дѣло его не погибло. На слѣдующій день Муравьевъ вызвалъ Геннадія Ивановича и съ сіяющимъ лицомъ сообщилъ, что Императоръ почтилъ его аудіенціей, подробно разспрашивалъ о Приамурскомъ краѣ и затѣмъ изволилъ сказать, что онъ находитъ поступокъ Невельского молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ. Онъ повелѣлъ собраться комитету вновь подъ предсѣдательствомъ Цесаревича и прибавилъ:

„Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, тамъ онъ уже спускаться не долженъ"

Вслѣдствіе рѣшенія рыцаря чести, Государя Николая Павловича, Комитетъ постановилъ:

Николаевскій постъ оставить въ видѣ лавки Россійско Американской Компаніи, никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ этой странѣ не предпринимать, а иностранцамъ, которые вздумали бы занять какой либо пунктъ около устья Амура, объявлять, что безъ согласія русскаго и китайскаго правительствъ никакіе произвольныя распоряженія въ этихъ мѣстахъ допускаемы быть не могутъ. Для наблюденія за этимъ пунктомъ назначить Невельского съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ и команды. Миссію эту назвать Амурскою Экспедиціею.

Это постановленіе, подписанное Государемъ 12 Февраля 1851 года, Невельской получилъ уже въ Иркутскѣ. Средства, назначенныя казною на содержаніе экспедиціи, были очень не велики, вѣроятно въ тѣхъ видахъ, чтобы связать руки предпріимчи-

вому моряку. Но непоколебимую энергію Невельского не могли сломить никакія препятствія. Онъ грудью отстаивалъ дѣло, которое считалъ правымъ.

Въ Иркутскѣ совершилось событіе, озарившее яркимъ свѣтомъ полную труда и лишеній жизнь Геннадія Ивановича. Онъ познакомился съ семьей гражданскаго губернатора Зорина и женился на племянницѣ его, Екатеринѣ Ивановнѣ Ельчаниновой.

Слава о подвигахъ Невельского прогремѣла по всей Сибири; въ глазахъ сибиряковъ онъ былъ героемъ, достойнымъ неувядаемой славы. Общіе восторги раздѣляла и юная Екатерина Ивановна, два года тому назадъ вышедшая изъ Смольнаго института.

Она съ радостью отдала ему руку и сердце и объявила, что послѣдуетъ за нимъ въ Петровское.

Какъ ни отговаривали ее родственники и самъ женихъ, не скрывавшій отъ нея испытаній, которыя ждутъ ее въ краѣ, куда не ступала нога цивилизованнаго человѣка, дѣвушка осталась непреклонной.

16 Апрѣля 1851 года отпраздновали свадьбу, а три недѣли спустя молодые уѣхали.

Три мѣсяца длилось путешествіе отъ Иркутска до Петровскаго. Съ геройскимъ самопожертвованіемъ вынесла Екатерина Ивановна тысячеверстный переѣздъ верхомъ по болотамъ и дикой тайгѣ Охотскаго тракта, то двигаясь по узкимъ карнизамъ горъ надъ пропастями, то переѣзжая эти пропасти по утлому мосту изъ хвороста съ зіяющими дырами, или переправляясь вплавь черезъ быстрыя рѣки съ ледяною водою.

Не смотря однако же на бодрость духа и

необыкновенную выносливость, Екатерина Ивановна такъ расхворалась, что за 10 верстъ до Охотска ее должны были нести на носилкахъ.

Въ темную ночь это печальное шествіе вступило въ Охотскъ, гдѣ едва достали доктора, чтобы помочь больной, которая, казалось, умирала.

Послѣ труднаго путешествія по сушѣ и не менѣе труднаго перехода затѣмъ моремъ, сопровождавшагося крушеніемъ барка „Шелеховъ", Невельской со своими спутниками прибылъ наконецъ въ Петровское. Съ нимъ были, кромѣ его достойной жены, слѣдующіе сподвижники: Лейтенантъ Бошнякъ, Прапорщикъ Воронинъ, докторъ Орловъ съ женой, топографъ Штегеръ, 30 человѣкъ матросовъ и казаковъ и приказчикъ Россійско-Американской Компаніи Березинъ. Позднѣе въ экспедицію поступилъ съ корвета „Оливуца" Лейтенантъ Чихачевъ нынѣ Генералъ-Адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта/.

Высадившись въ Петровскомъ и устроившись тамъ по мѣрѣ возможности, Невельской съ своими сподвижниками немедленно принялся за тотъ тяжелый трудъ, который собственно и составилъ основаніе къ утвержденію за Россіей Приамурскаго и Приуссурійскаго края съ островомъ Сахалиномъ.

Начался длинный рядъ мѣсяцевъ и годовъ тяжелой, но въ высокой степени плодотворной работы Амурской экспедиціи.

Отрѣзанная отъ свѣта, окруженная дикимъ населеніемъ, не признававшимъ никакихъ правъ кромѣ ножа, находившаяся не разъ подъ страхомъ погибнуть или отъ голодной смерти, или отъ навод

ненія, или подъ снѣжными заносами, Амурская экспедиція 5 лѣтъ работала въ этой дикой неприглядной пустынѣ.

Невельской и его молодая жена наравнѣ съ другими переносили тягости существованія въ этихъ условіяхъ. Невельской былъ начальникомъ, былъ въ полномъ смыслѣ руководителемъ, вдохновителемъ всѣхъ, но онъ же былъ и первымъ работникомъ: онъ былъ дѣйствительно primus inter pares.

Экспедиція переносила неимовѣрные труды, но что могли вынести взрослые, того не могъ вынести ребенокъ. Первая дочь Невельскихъ, родившаяся въ Петровскомъ, не выдержала такихъ суровыхъ условій. Ребенокъ не могъ ѣсть рыбы и солонины; молока въ экспедиціи не было; Екатерина Ивановна сама кормить не могла . . . . Ребенокъ умеръ на рукахъ матери голодной смертью.

О подвигахъ Геннадія Ивановича, какъ начальника Амурской экспедиціи, совершенныхъ имъ въ теченіи 5-ти лѣтъ начальствованія этой экспедиціей, о подвигахъ его достойныхъ сподвижниковъ, выполнявшихъ отдѣльныя командировки, экскурсіи, частичныя экспедиціи, сопряженныя съ неимовѣрными трудами, опасностями и лишеніями, можно говорить безъ конца, чего размѣръ этой памятки не позволяетъ. Скажу кратко, что въ теченіи 5 лѣтъ работъ экспедиціи Невельского, тысячи верстъ этого бездорожнаго и пустыннаго края были пройдены тѣмъ или инымъ изъ участниковъ экспедиціи; на громадномъ протяженіи берега Татарскаго пролива обслѣдованы и описаны бухты, выяснено дѣйствительное направленіе Хинганскаго хребта, что было такъ важ-

но для правильнаго пониманія границъ Россіи по Нерчинскому тракту, и доказано, что никто, кромѣ русскихъ, не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ притязаній на этотъ край.

По мѣрѣ того, какъ работы экспедиціи подвигались впередъ и результаты ихъ доходили черезъ Николая Николаевича Муравьева до Петербурга, вліяніе глубоко вкоренившихся предубѣжденій, служившихъ такимъ тормозомъ первымъ шагамъ Невельского,—понемногу исчезало передъ очевидной, неоспоримой истиной.

Въ Сентябрѣ 1853 года, уже по повелѣнію изъ Петербурга Невельской официально занялъ Сахалинъ, а весною 1854 года, по Высочайшему повелѣнію, генералъ-губернаторъ, въ сопровожденіи представителя отъ Министерства иностранныхъ дѣлъ и многихъ другихъ лицъ, съ большой торжественностью совершилъ путешествіе внизъ по Амуру и тѣмъ открыто заявилъ о присоединеніи края къ русскимъ владѣніямъ. За пароходомъ, на которомъ находился Н. Н. Муравьевъ, слѣдовало 75 барказовъ съ солдатами, назначенными для службы на далекой восточной окраинѣ. Это былъ, такъ называемый, первый сплавъ, за которымъ послѣдовали еще такіе же три.

Важное государственное значеніе открытій и рѣшительныхъ дѣйствій Невельского выяснилось очень скоро.

Во время Крымской кампаніи Англо-Французская эскадра, крейсеровавшая на востокѣ, подошла къ Петропавловску въ полной увѣренности, что легко разрушить его бомбардировкой, но разсчеты эскадры не оправдались. Василій Степановичъ За-

войко, со своей доблестной **тысячью**, блестяще отразилъ 24 Августа 1854 года непріятеля, и тотъ съ позоромъ удалился.

Извѣстіе о славной Петропавловской побѣдѣ было получено Невельскимъ въ Николаевскѣ съ понятной радостью, но, радуясь этому блестящему успѣху, Геннадій Ивановичъ не увлекался имъ. Онъ предвидѣлъ, что какъ ни блестящи подвиги защитниковъ Петропавловска, но недостатокъ провизіи и изолированное положеніе этого порта, въ случаѣ продолженія войны, могли поставить портъ и нашу небольшую Сибирскую флотилію въ критическое положеніе.

Эти соображенія ясно указывали на необходимость оставить Петропавловскъ, снять оттуда портъ и сосредоточить все въ укромномъ мѣстѣ въ Николаевскѣ или вообще на Амурѣ.

И Геннадій Ивановичъ убѣждалъ Муравьева въ настоятельной необходимости выполнить эту мѣру при первой возможности. Муравьевъ понялъ всю основательность этихъ доводовъ и ранней весной 1855 года суда Сибирской флотиліи, забравъ все имущество порта, оставили Петропавловскъ.

Предвидѣнія Геннадія Ивановича оправдались: война продолжалась, и непріятель, желая отомстить за прошлогодній позоръ, подошелъ съ огромными силами къ Петропавловску, но уже не засталъ тамъ нашихъ судовъ, а отъ порта остались лишь пустые магазины Эти магазины непріятель сжегъ и отправился отыскивать нашу флотилію.

Два передовыхъ непріятельскихъ корабля, настигнувъ эскадру Адмирала Завойко въ заливѣ Де-

Кастри, поспѣшили вернуться къ эскадрѣ съ этимъ извѣстіемъ, но когда соединенная Англо-Французская эскадра подошла къ Де-Кастри, нашихъ судовъ тамъ уже не было: Завойко уже вывелъ ихъ изъ залива и вошелъ съ ними благополучно черезъ Татарскій проливъ въ лиманъ Амура.

Ровно черезъ 14 часовъ послѣ выхода нашей эскадры изъ Де-Кастри, туда подошла грозная непріятельская эскадра. Пароходъ влетѣлъ въ заливъ, чтобы осмотрѣть расположеніе русскихъ судовъ . . . Никого. Непріятель въ бѣшенствѣ и, увѣренный, что Сахалинъ полуостровъ, что входъ въ лиманъ съ юга поэтому не возможенъ, до конца Октября стоялъ и крейсеровалъ у Де-Кастри, въ ожиданіи, что должны же русскія суда придти сюда на зимовку. Не дождавшись никого, соединенная эскадра ушла къ югу.

Послѣ заключенія мира, роль безстрашнаго поборника Амурскаго вопроса кончилась, кончились и работы славной экспедиціи, которой онъ былъ и душой и начальникомъ.

Въ 1856 году Геннадій Ивановичъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ членомъ Ученаго Отдѣленія Морского Техническаго Комитета и состоялъ въ этой должности до 17-го Апрѣля 1876 года, когда смерть—эта коса, немилосердно подкашивающая всѣхъ смертныхъ безъ разбора, скосила и этого знаменитаго моряка и піонера Амурскаго края. Геннадій Ивановичъ скончался послѣ двухгодовой тяжкой болѣзни, имѣя 62 года отъ роду.

Геннадій Ивановичъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и любовью семьи и самъ горячо любилъ

ее, но интересы отечества всегда ставилъ выше семейныхъ.

Глубоко задумавъ вопросъ о присоединенiи Амурскаго края къ Россiи, Невельской оставался вѣрнымъ ему до конца: ни крайне суровыя условiя жизни въ дикой странѣ, ни безпримѣрныя лишенiя, ни тяжелые труды, ни печальная обстановка молодой жены, ни голодная смерть первой дочери—ничто не помѣшало ему довести до конца разъ начатое дѣло.

Такое самоотверженное и неуклонное преслѣдованiе разъ задуманной цѣли обнаруживаютъ въ Геннадiи Ивановичѣ не только патрiота, глубоко преданнаго Престолу и Отечеству, но и человѣка высокаго ума и громадной рѣшительности и энергiи.

Миръ праху твоему, труженикъ науки, герой и гражданинъ. Тебѣ обязана Россiя присоединенiемъ Амурскаго и Уссурiйскаго края и закрѣпленiемъ ея владычества на Дальнемъ Востокѣ.

Составилъ Генералъ-Лейтенантъ **Жданко.**

28 Iюля
1913 г.

2007079500